

— Молодой человек, мы приехали, с вас 45 марок.

— Мм... Что?

— 45 марок.

— Хорошо.

Кален, естественно, не носил с собой все свои сбережения, но в кармане у него всегда лежало несколько сотен марок.

Он протянул купюру в 50 марок.

Водитель, улыбаясь, взял деньги:

— Благодарю за щедрость.

— М-м?

Кален мог только кивнуть, смирившись с тем, что 5 марок превратились в чаевые, которые уже не вернуть.

Он вышел из машины.

Такси уехало.

Дорогое удовольствие — эти такси.

50 марок хватило бы семье из четырех человек на день жизни, причем с завтраком, обедом и ужином, состоящими как минимум из основных блюд.

От «Корона-холла» до Минк-стрит было недалеко.

В этот момент Кален вспомнил, как во времена учебы в университете ездил на такси, наблюдая за тем, как красные цифры на счетчике растут от начальной цены.

Катафалка Иммерлесов у дверей не было, значит, дядя с остальными еще не вернулись.

— Эх...

Глядя на здание, которое называлось «домом», Кален почувствовал, как в душе у него поднялась буря эмоций.

«Полиция. Сообщить. Несчастный случай. Не демоны...»

Ключевые слова из фразы женщины в сером платье не переставали эхом звучать в голове Калена.

В танцевальный зал, где только что произошел несчастный случай, приехали двое, которые могли позвонить в полицию, а значит, обладали неким официальным статусом. И наконец, все это было связано с «демонами».

Этот мир казался вполне нормальным.

По крайней мере, из газет и книг можно было сделать такой вывод.

Но на самом деле все было не так.

У человека есть врожденный инстинкт самосохранения. До того как такси остановилось, Кален только и думал о том, как уйти из дома и жить нормальной жизнью, которая, конечно, требовала бы от него усилий, чтобы постепенно стать «богатой» и «безмятежной».

Но сейчас он вдруг понял, что под внешне нормальной оболочкой мира скрывается темное течение.

Дедушка все время размышлял, убить его или нет, но пока что его действия сводились лишь к тому, чтобы держать Калена взаперти. Пока Кален не попытается сбежать из Лоуцзя, он не нарушит запрет.

А снаружи... Снаружи будто бы царила «охота на ведьм».

«Да как ты можешь быть не иным! Как ты можешь быть не иным!»

Крик мистера Хоффена с больничной койки все еще звучал в ушах Калена.

Кален снова сжал левую руку.

Хотя он и не имел четкого представления о том, что такое «нечисть» или же «демон», его собственное положение «вселившейся души» с самого начала лишило его уверенности в себе.

Ведь он прекрасно понимал, что он — не настоящий Кален Иммерлес.

Так стоит ли...

... Стоит ли выходить наружу?

По сравнению с опасностями неизведанного внешнего мира дедушка вдруг показался... гораздо более добродушным.

Убить Калена нужно было в первые же дни после его пробуждения.

Дедушка этого не сделал. Казалось, он колебался, взвешивал все «за» и «против», но время шло, человек неизбежно мирился с собой, постепенно «приспосабливался» и «привыкал».

Ведь Кален не был непослушным ребенком, который каждый день носился по дому как угорелый или хмурился, будто ему все были должны. Он был послушным, смирным, тихим мальчиком.

«Гнев» и «жажда убийства» дедушки с течением времени неизбежно утихали, и чем дольше Кален жил в этом доме, тем безопаснее становилось его положение.

И тут Кален увидел Деаса, идущего с запада в облачении священника.

Кален смотрел на него, не отрывая глаз.

Пока на лице Деаса не промелькнуло легкое недоумение, и он не остановился перед Каленом.

— Дедушка, ты вернулся.

— Да.

Кален открыл дверь и вошел в дом вместе с дедушкой.

— Отец, вы вернулись.

— Да.

Тетя Мэри посмотрела на Калена:

— Твой дядя звонил из больницы, просил узнать, вернулся ли ты. Сказал, что туда приехали катафалки других похоронных бюро, и он, чтобы не упустить заказ, сразу поехал в больницу, не дожидаясь тебя.

— Я его как следует отчитаю, когда он вернется! — продолжала она. — На той улице только что произошел несчастный случай, люди погибли, там наверняка царит хаос, как он мог оставить тебя одного?

Обычно тетя Мэри была с Каленом строга на словах, но добра на деле.

А в присутствии свекра она и вовсе превращалась в шелковую.

— Тетя Мэри, я уже взрослый. Неужели взрослый человек не в состоянии найти дорогу домой? Где бы я ни был, я всегда найду дорогу обратно по запаху родного дома.

Деас подошел к дивану и сел:

— Что случилось?

Тетя Мэри мягко похлопала Калена по плечу и поднялась на кухню на втором этаже, чтобы приготовить чай.

Кален сел на диван напротив Деаса и рассказал дедушке о том, что произошло в «Корона-холле».

Когда он дошел до того момента, как обнаружили спрятанное под сценой тело...

... Тетя Мэри, только что поставившая на стол чай и закуски, невольно прикрыла рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

И дело было не в том, что она пыталась казаться хрупкой и женственной в присутствии свекра.

Просто...

... Просто, хотя она и стала отличным бальзамировщиком, это не означало, что она вдруг стала невероятно храброй.

Она не боялась трупов, потому что уже привыкла воспринимать их как своих «клиентов» особого рода. Ознакомившись с ними поближе, она перестала испытывать страх перед мертвыми телами. Как те, кто держит змей, не боятся змей.

Но этот извращенец, серийный убийца... Кто мог гарантировать, что он не нацелится на нее саму, и что однажды она сама не станет «гостем» собственного похоронного бюро?

Кален закончил описывать подробности, касающиеся тела, и рассказал о своих «выводах»,

сделанных в ходе «обмена информацией» с шерифом Дюком.

Изначально он хотел оставить эту информацию при себе, ведь Кален собирался тайком обзавестись полезными связями, но после встречи с той парой в такси он передумал.

«Дедушка, видите? Ваш внук не только готовит и проводит сеансы психологического консультирования, но и помогает полиции раскрывать дела».

— Боже мой, Кален, ты сам до всего этого додумался? — воскликнула пораженная тетя Мэри.  
— Как тебе это удалось?

— Проще говоря, я представил себя на месте убийцы, — Кален постарался максимально упростить объяснение, обращаясь не только к тете, но и к дедушке.

В конце концов, Деас вряд ли спросил бы: «Боже мой, внучек, как тебе это удалось?»

— Я поставил себя на место убийцы и, исходя из улик и деталей, которые он оставил, попытался понять... психологические причины, побудившие его на преступление.

Деас отпил чаю.

— Ты легко можешь поставить себя на место убийцы?

«...» — только и подумал Кален.

Эту фразу легко можно было поставить в один ряд с «с кем поведешься, от того и наберешься».

— Дедушка, тетя Мэри, дело вот в чем. Как правило, чем больше убийца считает себя художником, тем легче предугадать его мысли и тем проще поставить себя на его место.

— Некоторые считают себя особенными. Например, любят одиночество, не любят общаться.

— Но более девяноста процентов людей не любят общаться, а из оставшихся десяти процентов, которые в этом преуспели, большинство предпочли бы остаться в одиночестве, будь у них выбор.

— Например, кто-то считает себя чувствительным, склонным к меланхолии, легко сопереживающим другим людям и событиям, постоянно испытывает потребность излить душу, хочет оставить после себя след.

— Но большинство мужчин и женщин лет тридцати, не добившихся успеха в жизни, мнят себя

прирожденными писателями.

— Чем больше люди стремятся выделиться, чем больше хотят быть особенными, тем более обыкновенными они на самом деле являются.

— Поэтому их образ мышления легко понять.

— Когда они переступают черту и начинают убивать ради удовольствия, они перестают быть людьми и превращаются в зверей. А разве среди зверей так много по-настоящему умных?

Кален выпалил все это на одном дыхании и сделал большой глоток чаю.

Деас задумчиво кивнул:

— Интересная теория.

— Значит, все эти фильмы и книги, которые я смотрела и читала, где злодеи такие умные... Значит, это все неправда? — спросила тетя Мэри.

— Из любого правила есть исключения, тетя Мэри, — ответил Кален, беря чайник и приподнимаясь, чтобы подлить чаю бабушке. — Но в художественных произведениях злодеев обычно описывают именно так, чтобы подчеркнуть драматизм и остроту конфликта.

— Истинный мудрец знает, как обуздать свою жажду убийства, — добавил он.

Тетя Мэри прижала руку к груди:

— Да-да, конечно, среди хороших людей больше всего умных!

Зазвонил телефон. Тетя Мэри подошла к аппарату.

— Да, да, поняла, поняла, ага.

Повесив трубку, она просияла.

Но, увидев, что свекор все еще сидит за столом, тетя Мэри попыталась сдержать улыбку. Однако радость, исходившую из глубины души, было трудно контролировать, поэтому выражение ее лица стало немного натянутым.

— Отец, Мейсон только что снова звонил из больницы, — начала она. — Тот раненый, которого

увезли на операцию, скончался. Его родственники уже согласились доверить нам организацию похорон.

— Мейсон с ребятами привезут тело ближе к вечеру.

— Так поздно? — удивился Деас.

— Они ждут родственников другого погибшего. У него полголовы снесло. В больнице связались с его женой, но она уверена, что муж сейчас в Вейне в командировке.

— Мейсон хочет еще немного подождать ее в больнице и заодно договориться с ней о заказе.

Когда человек только что потерял близкого, разум его обычно немного «онемевший». Люди словно превращаются в «марионеток», лишенных способности думать.

Кроме того, ими движет желание как можно скорее организовать достойные похороны, чтобы покойник обрел покой в земле. Поэтому, как правило, то похоронное бюро, которое первым свяжется с семьей, скорее всего, и получит заказ.

Деас кивнул:

— Хорошо, готовься.

— Хорошо, отец.

Тетя Мэри спустилась в подвал, чтобы начать готовиться к приему гостей.

Кален, видя, что Деас все еще сидит на диване, помедлил и не решился уйти.

— Ты не боишься? — спросил Деас. — Видеть то, что ты сегодня видел.

— Не очень, — ответил Кален. — В последнее время я немного привык.

— Тебе, похоже, есть что еще сказать?

— Нет, дедушка. Разве между нами есть секреты?

— Да нет.

Деас встал.

— Я в кабинет.

— Хорошо, дедушка.

Кален проводил взглядом фигуру Деаса, растворившуюся в пролете лестницы, и только после этого снова сел на диван.

На самом деле он хотел расспросить Деаса о нечисти и заодно рассказать о паре из такси.

Но потом передумал. Подумал, что время еще не пришло.

Некоторые вещи, даже если кажутся очевидными, все же играют очень важную роль.

Кален опасался, что, если он начнет расспрашивать деда напрямую...

... Тот терпеливо объяснит ему, что такое «нечисть».

... Подробно расскажет о той стороне мира, которая скрыта от обычных людей.

... И поможет проанализировать, к какой организации принадлежит та пара, каковы их обязанности и права.

... А под конец, закончив объяснения, вздохнет и скажет:

— Раз уж мы все обсудили, я больше не буду обманывать себя. Нечисть, тебе конец.

В умении разбираться в людях Кален был профессионалом. Ради удовлетворения собственного любопытства ему совсем не хотелось разрушать ту самую преграду, которая удерживала Деаса от убийства. Это было бы куда опаснее, чем в тот раз, когда Кален спустился в подвал, чтобы «поговорить по душам» с мистером Мосангом.

Разницу между безрассудством и желанием свести счеты с жизнью Кален понимал прекрасно.

— Мяу...

Кален опустил голову и увидел Пуар, которая не пойми когда улеглась у его ног.

Последние несколько дней Пуар выглядела слабой и болезненной.

Кален протянул руку и взял Пуар на руки.

Пуар не сопротивлялась, в ней не осталось и следа былой заносчивости, её словно охватила апатия.

Насколько помнил Кален, у этой кошки всегда на морде читались самые разные эмоции.

— Ууу...

В углу у входа в гостиную лежал, положив морду на пол, золотистый ретривер. В его глазах читалась зависть.

Мистер Хоффен еще не выписался из больницы, поэтому пес по-прежнему жил у Иммерлесов. Но взрослые и дети, казалось, не питали к животному особой любви. Они не то чтобы ненавидели его, но и гладить не стремились.

Только Кален каждый день находил время, чтобы выгулять его по окрестностям.

Кален поманил золотистого ретривера пальцем, тот тут же вскочил и радостно подбежал, высунув язык, и сунул голову Калену под руку.

Кошка устроилась на коленях, пес примостился рядом, на столике перед ним вился ароматный парок от чая, а сам он сидел в собственной квартире, расположенной в большом особняке.

Кален вдруг подумал, что и такая жизнь, пожалуй, неплоха.

Пусть он и не мог изменить реальность, но реальность была к нему благосклонна и хотя бы позволяла выбрать удобную позу для сна.

Способность...

Кален резко сел.

Пуар, дремавшая у него на коленях, вопросительно подняла голову.

Золотистый ретривер, лишившись возможности наслаждаться почесыванием, подошел и снова сунул голову Калену под руку, легонько ткнувшись в нее носом.

Сон Джеффа...

Плач мистера Мосанга...

Может ли он... Может ли Кален сделать так, чтобы жертва, найденная под сценой... чтобы и она тоже как-то отреагировала?

Если бы он мог что-нибудь сказать... если бы он мог указать на убийцу?

В обществе бытовало мнение, что судебные эксперты могут «заставить жертву говорить».

А если бы жертва действительно могла заговорить...

... Это стало бы кошмарным сном для всех убийц в мире!

Но...

Кален снова посмотрел на свою левую ладонь. Он уже и не помнил, в который раз за сегодня специально разглядывал этот шрам.

Не говоря уже о том, что он сам пока не до конца понимал свою «способность»... Даже если бы он действительно обладал ею и умел ее контролировать, неужели ему стоит использовать ее, чтобы помогать полиции ловить убийц?

«Полиция. Сообщить. Несчастный случай. Не демоны ...»

Да это же безумие. Ха!

— Кален.

— Тетя Мэри?

Тетя Мэри вернулась из подвала с коробкой в руках. Протягивая ее Калену, она неотрывно смотрела на лестницу.

— Что это?

Кален взял коробку и открыл ее. Внутри лежали наручные часы «Монро». Не роскошь, но и не дешевка. Стоили они около двух тысяч марок.

Офисные клерки любили носить такие.

— Спасибо, тетя.

Кален подумал, что это тетя Мэри купила ему часы, но та покачала головой:

— Это не я, это тебе миссис Хьюз передала с оказией.

Миссис Хьюз?

Владелица крематория?

Тетя Мэри понизила голос:

— Хоть мы с миссис Хьюз и хорошие подруги...

Кален еще в тот день понял, что у них близкие отношения. Миссис Хьюз открыто поддразнивала дядю Мейсона, сказав, что тот наверняка упал, пытаясь забраться в окно к очередной любовнице. Фактически, она предупредила подругу о похождениях мужа.

— ...Я все же должна предупредить тебя, что миссис Хьюз... что она, как бы это сказать... пользуется успехом у мужчин. Тебе лучше не общаться с ней слишком часто, понял?

Тетя Мэри, как и дядя Мейсон, боялась, что миссис Хьюз поманит пальцем — и юный Кален тут же окажется у нее в постели.

Возможно, для миссис Хьюз это было всего лишь способом развеять скуку и одиночество, но для юноши это обернулось бы горьким опытом обманутой любви.

Ведь Калену было уже пятнадцать, возраст, когда кровь бурлит особенно сильно.

Многие ли парни в этом возрасте способны устоять перед чарами взрослой женщины?

Ради племянника тетя Мэри была готова даже наговорить гадостей о собственной подруге.

До этого момента, поскольку Кален вернулся вместе с Деасом, тетя Мэри не осмеливалась показывать ему часы.

— Я понимаю, тетя.

Эта миссис Хьюз просто клеила его.

— Может, вы передадите ей часы обратно?

— Часы возвращать не нужно, оставь себе. Просто помни, о чем я тебе говорила. Я позабочусь о подарке в ответ, скажем, что это мы с ней друг другу подарили. Но тебе все же стоит позвонить ей и поблагодарить, просто из вежливости.

— Хорошо, тетя.

— Номер есть в телефонной книжке.

— Понял.

Кален снял трубку и открыл телефонную книжку, лежавшую рядом с аппаратом.

Поскольку похоронное бюро Иммерлесов сотрудничало с крематорием Хьюз, ее номер был в начале списка и нашелся довольно быстро.

Кален набрал номер.

Долгое время на том конце провода никто не отвечал.

Наверное, занята?

Кален положил трубку и снова набрал номер.

— Щелк...

На этот раз ему ответили практически сразу.

— Алло, здравствуйте, это крематорий Хьюз? — спросил Кален.

На том конце провода послышался шум, но никто не ответил.

— Алло, здравствуйте? — повторил Кален.

— Ты помешал мне творить...

<http://tl.rulate.ru/book/77240/4270376>